

18+

ГУЛИРА ХАННОВА
СОН У ОЗЕРА

Гулира Ханнова

Сон у озера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53661618

ISBN 9785449862280

Аннотация

Рождается на свет мальчик – радость для мамы, гордость для папы. Как сложится его жизнь, вырастет ли из него настоящий мужчина? И что делает мужчину мудрым и самодостаточным человеком? Деньги, любовь женщины, успех или что-то другое? Герои книги отвечают на этот сложный вопрос своими поступками и своей жизнью.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сон у озера

Гулира Ханнова

© Гулира Ханнова, 2020

ISBN 978-5-4498-6228-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩАЕТСЯ САМЫМ ДОРОГИМ ДЛЯ МЕНЯ ЛЮДЯМ, СДЕЛАВШИМ МОЮ ЖИЗНЬ ОСМЫСЛЕННОЙ – ДОЧЕРИ И СЫНУ. Я ВАС ЛЮБЛЮ!

Пролог

В шумном, суетливом городе мы живём, не замечая ни времени, ни людей. Мимо нас проходят сотни, тысячи, пролетают в суматохе дни, месяцы и годы. Эта сумасшедшая карусель мчит нас по кругу – дом, работа, дом, работа, будто в заколдованный круг попали и не можем сойти. Только время не стоит на месте, время не ждёт, когда мы накатаемся. Оно идёт, и идёт семимильными шагами совсем не по тому кругу, что мы.

У времени свое расписание, как поезд не спеша трогается со станции детство, набирает скорость в юности, разгоняется в зрелости и мчится, как бешеный, в старости. Летит, не разбирая пути, сходит с рельсов, кто-то так и остаётся под насыпью не в силах подняться. А кто-то упрямо лезет вверх, чтобы домчаться до финиша и посмотреть – что же там есть такого? К чему я нёсся сломя голову, теряя близких и друзей, и стоило ли оно того?

Что ждёт нас никогда не угадать, говорят, как жизнь проживешь, так и старость встретишь, а ещё что посеешь, то и пожнёшь. А вот не всегда, вроде мы сеем доброе, а вырастает то, что вырастает. Всю жизнь, ломая и корёжа себя, стремимся к цели и, только достигнув ее, мы понимаем, что не так оно и нужно было.

Так же и в любви, вот любила без ума, краше никого

не было, света белого не нужно без любимого. А прошло время, смотришь и думаешь, а что я тут любила-то? Боже ж мой, это же недоразумение какое-то, без слёз не взглянешь! Глазёнки мои, это точно вы были на лбу, когда мы в него влюблялись? Или вы прикрыли веки, чтобы не отвечать потом за последствия?

Жаль, пока мы разбираемся – кто и куда глядел, уже и жизнь прошла.

Глава 1

Жил-был как в песне – художник один. Молодой и талантливый, но, как обычно бывает – непризнанный. День и ночь создавал свои шедевры, то дерево корявое с прибитой консервной банкой на фоне кровавого заката, то человека с шестью ушами и зелёным мхом обросшего, он был этот... футурист! А, может, авангардист или это по-другому называется, те, кто часто ходит по выставкам, наверное, разбираются в этом. А в провинции, кроме работ учеников художественной школы, мало что выставляется. Акварель, гуашь и пластилин, вот и весь материал для творчества. Начиная с детского сада и заканчивая бесплатными кружками, что ведут студенты художественного училища для пенсионеров. И поле деятельности для художников провинции не такое уж большое, в основном рекламные баннеры и витрины магазинов. А там вся эта высокая материя в виде непонятных заколючек вместо людей не очень котируется.

Парень был симпатичный, но уж очень в искусство влюблённый, ничего больше знать не хотел, не работал и даже девушками не интересовался. Нет, это, конечно, со стороны так казалось, молодой и здоровый парень не мог не думать о девушках, может, ему просто не хватало времени на них. Но была у него тайна, в которой он не признавался даже друзьям, то ли боялся, что не поверят, то ли еще что-то было

у него на уме. Снился ему по ночам часто один и тот же сон, приходила к нему в том сне девушка – опускала голову ему на плечи и пахли ее темные волосы мятой. И целовала она его прохладными губами и кружилась голова у парня от чувств неизведанных. Днём он искал ее взглядом в толпе, всматривался в прохожих девушек, но не встретил среди них ту, что заставила вздрогнуть сердце.

Так он и жил, женщина в его жизни, похожая на ту самую, так и не появилась. А он денно и ночью восхищался «Черным квадратом» Малевича и мечтал создать такой же шедевр. Для этой цели он даже купил ведро чёрной краски. Но вдохновение пока его особо не посещало, и краска медленно, но верно высыхала в углу комнаты, накрытая газетой. Даже если ты талант-талантище, как можно написать эту картину лучше, чем Малевич? Сколько не мажь холст черной краской, хоть вдоль, хоть поперёк, будет то же самое. А если взять другую краску, это уже будет не «Черный квадрат». По моему, здесь нет выхода вообще, не стоит и мучиться. Даже если сделать, скажем, красный круг или синий ромб всё равно все скажут: «Фу, бездарное подражание Малевичу...»

Короче, перекрыл Малевич дорогу всем остальным талантам навсегда в этом направлении. Конечно, это несправедливо, ведь кушать хотят все художники, а рисовать нечего!

Мама когда-то захотела, чтобы он стал великим художником. Даже назвала его Казимиром в честь того же Малевича, от которого сама была без ума. Она отдала своего талантлив-

вого сына в художественную школу, надеялась увидеть его в зените славы, но пока не очень получалось. Родителям уже в тягость стало кормить, поить и покупать холсты и краски тридцатилетнему оболтусу, как его сквозь зубы называл отец. Когда нашим детям больше восемнадцати лет, нам хочется получать от них помощь, а не проблемы. Только мама всё ещё надеялась, что когда-нибудь она будет стоять рядом с сыном на выставке его картин. А мужчины в смокингах и дамы в вечерних платьях, увешанные бриллиантами, будут выражать ей свое восхищение. Она покроет плечи золотистым палантином что так идет ей, он уже куплен давно в надежде на светлое будущее сына. И платье коктейльное, черное у мамы имелось – оно было недорогое, но всегда стильно смотрелось. Мамы в нас верят до последнего и своей верой поднимают нас на пьедестал, когда мы и сами уже отчаялись. А ведь как хочется этого самого успеха, ну хотя бы чуть-чуть. Эх, грешны мы все этим, хочется, хочется подняться хоть немного над толпой, ну и денег тоже хотелось бы! Причем, сильно не убиваясь и не выкладываясь на работе, в шахту и в тайгу лес валить никто не рвётся. А вот постоять у мольберта, лениво и задумчиво помахивать кистью и получать за это неплохие деньги и мировую славу никто не откажется.

Глава 2

Бабушка, приехавшая из деревни навестить и подкормить любимого внука, посмотрела на «Чёрный квадрат» в иллюстрации, висящий в красном углу съемной квартиры, и изрекла:

– Казимирушка, приехал бы ты ко мне, помнишь соседа дядю Васю, он дверь сарая покрасил гудроном. Вот это, я тебе скажу, шедевр, не сгниет никогда. Правда, не квадрат, но всё равно очень умно сделано. В деревне все ахнули, вот уж от Васьки не ожидали такого.

– Глупая бабка, что ты понимаешь в великих творениях, – думал художник, жадно жуя солёное сало с хлебом, привезённое бабкой. Родители вчера снова отказались его спонсировать, а кушать очень хотелось. Поэтому он промолчал насчёт ее ума и пообещал обязательно навестить и посмотреть великое творение дяди Васи.

Обещать не значит сделать – шло время, внук так и не собрался в гости к бабушке. А однажды родители сказали, что она умерла, они съездили и похоронили ее. Казимиру горевать было некогда, он был очень занят. В город приехал известный в среде художников человек и надеясь увидеться с ним, он караулил возле гостиницы три дня. Считал, что от этой встречи зависит его будущее, но оказалось, что не судьба. Покушав, попив за счет городского бюджета,

«большой человек» отбыл, даже не заглянув к местным художникам. Они ждали его в Школе Искусства, которая состояла из двух комнат в общежитии, но знаменитый товарищ не снизошёл до них. Он, наверное, не знал, что не все звёзды родились в столицах, многие начинали путь с лачуг. Или наоборот, знал – в основном редко кто вылезает в столичные знаменитости.

Бабушка внука обожала безумно, несмотря на его равнодушие. Это, наверное, какая-то болезнь поколений, старшие отдают жизнь и все средства для детей и внуков, а в ответ шиш! Правда, со временем уже их дети и внуки отомстят за всё, да только от этого ушедшим не холодно и не жарко. Бабушка Казимира, умирая, думала о своем любимчике и домик в деревне завещала внуку, но с условием. Внук должен прожить ровно год в этом доме, ночуя каждую ночь, а потом может и продать. Может быть, хотела, чтобы внук, проживая в деревне, проникся любовью к малой родине, а может, просто из вредности – пожилые тоже умеют прикалываться.

Казимир был далёк от мирской суеты, он небрежно спросил цену и с удивлением услышал сумму, которую может получить. Посчитав в уме, на сколько месяцев ему этого хватит, он немедля захотел волю любимой бабушки исполнить. Сразу проснулись запоздалая любовь к ушедшей бабушке, нахлынули теплые воспоминания. Какой-то жучок, видимо, называющийся совестью, грыз внутри мягкие ткани в районе

сердца и немного над желудком, но неизвестно точно ли это совесть, может, ему просто хотелось есть.

Родители, уставшие от его высокого, но неоплачиваемого творчества, сами быстренько собрали кисти, краски и холсты. Загрузили в машину, и пока сын не передумал, отвезли его с мольбертом в деревню Луговое, где сами родились и выросли. Папа с мамой уже были в том возрасте, когда хотелось бы немного пожить и для себя. Наконец-то свою, заработанную долгими трудовыми буднями, пенсию потратить в свое удовольствие. Оплачивать студию в центре города, содержать тридцатилетнего мужчину с хорошим аппетитом было накладно. «Вот теперь эти хлопоты отойдут хотя бы на год», – думал папа. Он купит ту красивую удочку, которую присмотрел еще в прошлом году. А мама, любящая сына да безумия, заглушая угрызения совести, подумала о поездке в Таиланд, куда недавно уехала подруга.

Глава 3

Деревня расположилась на пригорке, на берегу большого озера с изумрудной водой, заросшей ивняком и камышом. Невероятной красоты зеленый луг, усыпанный ромашками и васильками, разделял озеро от домов, и многочисленные тропинки вились в высокой, душистой траве. От шумной трассы, где день и ночь неслись гудящим потоком машины, его отделял янтарный сосновый бор. Березовая роща, где по осени можно было собирать крепкие, хрустящие грузди для засолки, плавно переходила в вечно шелестящий осинник что закрывал деревню от холодных ветров с севера. Над озером, где вода была теплая, как парное молоко, всегда висел лёгкий туман, иногда он не спеша выходил на берег, питая живительной влагой луг. Чем ближе к воде, тем выше росла трава, можно было заблудиться и плутать по ней, если не знать местности. На пригорках, где трава была ниже, среди луговых цветов, в июле созревала душистая земляника. Каждый год ее было столько, что не нужно было даже ходить искать, сядь на траву в любом месте и собирай, не зевай. Проведешь по стеблю ладошкой и наберешь полную горсть ароматных красных ягод, крупные, сладкие они тают во рту и невозможно от них оторваться. Было тепло и уютно в этом маленьком мире, закрытом не только от ветров, но и чужих взглядов. Лишь редкие заезжие рыбаки появлялись на бере-

гу и становились поводом для тренировок языка местным кумушкам.

Рыба была в озере всякая, но украшение любого стола – это карась с золотой чешуей, крупный, сладкий! Его жарят в масле до хрустящей корочки, это можно есть бесконечно, выплёвывая мелкие косточки и хвосты, которые ловят на лету коты, сидящие в засаде под столом. Деревенским котам и кошкам неизвестно слово – «несъедобно», съедобно всё, что упало на пол, главное успеть схватить первым. Они бы очень удивились, если бы узнали, что их городские сородичи ждут, когда им рыбу очистят от костей, вот заелись! Может, им еще миску мыть каждый день, и покупать отдельно мясо в магазине? Не будем рассказывать им, что городские и кошачий корм едят только определенной фирмы. Их даже к ветеринару водят каждый раз как чихнут, но мы лучше промолчим, зачем деревенских тружеников расстраивать.

Тонкая душа художника почувствовала в этой красоте что-то родное. Ещё бы не чувствовать, каждое лето его привозили к бабке на каникулы и увозили только в конце августа с округлившимися щеками. Парным молоком, свежей сметаной, малиновым вареньем и пирогами бабушка откармливала бледного, как картофельный росток, внука. Как ей казалось – до положенных ему по возрасту размеров! Осенью, утирая слёзы, провожала его в город и снова начинала ждать лета, когда ее любимый внучек Мирка придет до бабушкиных пирогов.

Подростком он даже спалил у бабушки стог сена за сараем, курили с дружкой. Хорошо увидели соседи вовремя, а то и наследовать было бы нечего. А что у дяди Васи таскали бражку сладкую, напившись, валялись в саду под яблоней, проклиная того рыжего мальчику, который это затеял – об этом мы рассказывать не будем, кто этим не грешен, киньте в Казимира камнем.

Прошли годы, Мирка вырос, стал взрослым мужчиной и забыл дорогу в деревню Луговое. Изредка старенькая бабушка, завернувшись в свою серую, пуховую (пухлявую – так она ее называла) шаль приезжала навещать внука. Она привозила его любимые яблоки со своего сада, но ни она, ни яблоки ему уже были неинтересны. У него была своя непонятная ей высокоинтеллектуальная жизнь и друзья, такие же умные, умеющие красиво говорить, носить дорогую одежду и делать умное лицо. С юношеским максимализмом они смотрели высокомерно на родителей, на деньги которых ели, пили, жили, да и вообще стали тем, что они есть. Им еще предстояло пройти жернова судьбы, которые перемелют их твердь гордыни в муку повседневности. Хорошо, если останется мука, а то многих и по ветру развеет и даже не заметит мир их исчезновения.

Родители уехали обратно в тот же день, поручив присмотреть за сыном дяде Васе, тому самому с гудроном. И попросили повлиять на недоросля своего, уму-разуму научить, так сказать, чему дядька был рад и приступил сразу после их

отъезда.

Часто ли бывшего тракториста, ныне сторожа на ферме, просят поработать психотерапевтом городскому пижонистому художнику. Это вам не скирду в коровник волоком тащить на двух тракторах, тут нужны – ум, тактика и правильный подход. И Фрейд нам в помощь, ну и не только Фрейд этот ненормальный, лучше большая бутылка самогона и два огурца с огорода соседей, банка бычков в томате и без хлеба... ну, не было хлеба, вот так получилось. Так бывает, когда стол накрывается без участия женщины. Уж она-то позаботилась бы об этом, зная, что самогон у соседа может свалить и быка с ног, если быка предварительно напоить, конечно. Сей нектар, сей напиток богов, пылающий синим пламенем, если поджечь на ложке чиркнув спичкой – способен поднять дух. Он споет с тобой песню, расскажет все твои тайны, озвучит твои придуманные подвиги, а в довершение позорно свалит героя с ног.

Вот и тонкая конструкция души и не очень окрепшее тело Казимира поддались такому воспитанию быстро. Уже через полчаса художник сопел на старом кухонном диване, подложив под голову кулак. Дядю Васю совсем не устраивал молчаливый собутыльник, минут пять он старательно будил молодого собеседника, тряс и стыдил. Уставший с дороги, непривычный к такому крепкому напитку, Казимир лишь мычал. Не добившись результата, Василий ушёл, прихватив бутылку и закуску.

Глава 4

Ночью Казимир проснулся от страшной жажды, во рту скопились все пески Сахары и Каракумы даже без намека на оазис с пальмами и ручьем. В окно светила огромная луна и было светло как днём. Подняв тяжелую, как чугунок, голову, парень увидел бабушку, сидящую на старом сундуке, она смотрела на него и улыбалась.

– Бабушка, ты не умерла? – удивился Казимир, схватил со стола ковш с водой и жадно припал к нему.

Он не испугался, хотя понимал, ее здесь не может быть, Казимир знал, что она умерла. Только бояться было нечего, бабушка никогда не причинила бы ему боли. Нельзя было даже представить, что она сделает что-нибудь нехорошее своему родненькому внуку, этого не было при жизни, не могло быть и сейчас. Часто бывает так, умирает человек и нет страха, витающего в воздухе при подобных случаях, хочется верить, что он сейчас придет, улыбнется и скажет:

– Что это тут распустили нюни, вот же я живой и вместе с вами. Просто уходил по делам, ну вы чего расстроились-то, а?

И так хочется, чтобы это случилось, чтоб вернулся, обнял, прикоснулся теплой щекой к щеке, а ты прижал бы его к груди и вздохнул:

– Ты здесь и теперь всё будет хорошо!

Казимир смотрел на бабушку, такую родную, ласковую и ему казалось, что он маленький, беспечный мальчик. В жизни нет проблем, пока есть человек что любит тебя так искренно и преданно. Любовь, которая закрывает тебя от всех невзгод и боли, согреет и спасет от бед. Даст тебе силы жить, когда уже упал, уставший, на колени и кажется нет ничего в мире что может спасти.

– Не приехал ты, пока живая была, а ведь ждала я тебя Казимир, хотелось поговорить как раньше. Помнишь, мы ходили встречать Зорьку с табуна, ты держался за мою руку и расспрашивал обо всем на свете? Однажды ты у меня спросил – бабушка, а как стать счастливым? Я не ответила тогда, решила, что рано об этом думать, а потом тебе это стало уже неинтересно. Пришлось мне вернуться ненадолго, чтобы сказать те заветные слова, что пришлось унести с собой. Может, послушаешься моего совета и будешь разборчив в выборе жизненного пути. На перепутье ты стоишь и три дороги перед тобой, первая – страстей твоих и желаний исполнение, вторая – к счастью тихому, третья – к богатству и славе. Выбор за тобой, сынок, какую дорогу выберешь – такова и жизнь твоя будет.

– А разве нельзя, чтобы сразу всё – желания, счастье и богатство со славой?

– Это жизнь, сынок, здесь так не бывает, путь к славе и богатству тяжел и труден, нет там места счастью и любви.

И он снова провалился в сон.

Глава 5

Утром солнце и жажда вновь разбудили парня, на месте, где он ночью видел бабушку, лежала лишь шаль. А под ней он нашёл ее любимые янтарные бусы, она их носила не снимая. Когда-то давно их подарил любимый человек, он об этом слышал часто от бабушки. Может, ей хотелось, чтобы внук заинтересовался и попросил рассказать об этом подробнее, но тогда Казимир об этом и не подумал. Только теперь вдруг захотелось узнать – а кем был этот любимый, дедушка, который давно погиб, сплавливая лес по реке, или другой человек? Но спросить было некого, бабушка прошла свой путь земной и все ее радости, печали и даже любовь, так много значившие, ушли вместе с ней куда-то. Ненасытно поглощающая человеческое тепло и человеческую память черная дыра съела еще одну жизнь.

В грудь кольнул укор совести – бабушка так его любила, а он даже не проводил ее в последний путь. Стыд жаром обдал лицо, где-то в животе появилось неприятное сосущее чувство – «скотина же я все-таки!» Но молодость и эгоизм быстро справились с ненужными эмоциями – «она же умерла и ей всё равно». Какими мы бываем жестокими по отношению к людям так любящим нас. И только с годами начинаем понимать, как нам не хватает этого тепла и любви. Наверное, когда всё, что мы сделали дерьмового, нам начинают

возвращать наши дети.

Хотелось пить, есть хотелось не меньше, говорят, что с похмелья ничего не лезет, ему бы полезло, но сосед забрал всё, что было. Старый бабушкин холодильник пустовал, в настенных шкафах были только крупы и какие-то травы. Крупу он не умел варить, он вообще не умел готовить. Раньше об этом заботилась мама и носила ему тайком от папы кастрюльками горячую еду или давала деньги на кафе. Все мамы своих детей жалеют, как бы папы не пытались их сделать самостоятельными, жалостливые мамы тайком суют деньги в карман. Мама Казимира была обычной мамой, конечно же, он нащупал в кармане куртки бумажную купюру, которую называют – на первое время!

Хоть и не было сил, и жутко болела голова, есть хотелось больше, чем лежать и пришлось идти в магазин, а там...

Здрасьте вам, вот и дядя Вася! Ничего удивительного, его жизнь была неразрывно связана с этим очень важным для деревни объектом. Продавщица Зина открывала и закрывала магазин под бдительным оком этого стража. Брёвна, сложенные возле магазина заботливыми односельчанами на просушку, служили ему сторожевой вышкой. Уютно устроившись наверху, он мог следить за всей улицей и жителями деревни, чем он и занимался все свое свободное время. Иногда ему приходилось посвящать этому занятию и не очень свободное время, чему семья особо не радовалась. Когда еще была жива супруга, рослая и неробкого десятка Татьяна, он

часто был вынужден оставлять свой пост, увидев ее лихо несущуюся со скалкой. Грозное оружие домохозяйек быстро возвращало его на картофельное поле или сенокос, откуда он исчез два часа назад попить водички из родника.

Ленивым его трудно было назвать, дом он поставил пятистенный, крепкий, из хороших сосновых бревен и двор его не пустовал никогда. Две коровы и десяток овец, парочка поросят и пернатая живность – скотина содержалась в теплом хлеву, и был у него набитый сеном огромный сеновал. Но ко всему этому вдобавок, была у него еще и слабость, он любил потрепаться, за что и получил кличку Говорит Москва. Он умудрялся получать информацию о происходящем в мире только по известным ему каналам и любил, смакуя, пересказывать народу последние известия. В его рассказах шейхи арабские для того, чтобы пополнить казну своих стран, покупали золото на рынке с пеной у рта торгуясь с продавцами. А нефть черпали ведрами из колодцев и непонятное слово баррель он перевел просто – это цельная железная бочка, как та, что стоит с песком возле ворот фермы для нужд пожаротушения.

Ему верили и не верили, но, не получая достаточно новой информации, как в больших городах, люди нуждались в его в шутках-прибаутках в которых имелаась и доля правды. Человеком он был веселым и любил подшутить над односельчанами, за что мог получить и по шапке. Однажды, от соседа он прятался почти две недели, пока тот не остыл от гнева

и сам, смеясь, не пошел на мировую.

А дело было так – Иваныч, грузный старик с одышкой, кряхтя, скидывал снег с крыши сарая, когда увидел Васю, идущего по озерному льду с удочками. Деревня на пригорке, сосед еще и на крыше – день солнечный, видимость хорошая, он увидел идущего человека километров за пять. Видел, как он подошел к какой-то темной кучке на берегу, постоял и попинал, обойдя ее кругом, повернул в деревню. Любопытство одолевало соседа, он еле дождался, когда рыбак дошел до него и узнав соседа, решил утолить свой интерес:

– Вась, а Вась, а чаво это тама лежит на берегу, аль выршил кто чаво?

Сосед был жадноват, и Василий, хорошо зная это, решил подшутить над ним:

– Так это, тулуп кто-то потерял хороший такой, новый еще, видать из саней вывалился, когда проезжали.

Для деревни тулуп вещь незаменимая, это такая большая шуба из овчины и стоит денег немалых. У Иваныча глаза загорелись как лампочка на столбе у сельсовета, 200 Вт – не меньше, это точно!

– А чаво не взял?

– Да ну его, таскать на горбу еще, вот пообедаю, лошадь запрягу да и поеду.

Вася курил, прячась за забором, когда Иваныч, тяжело дыша, промчался к озеру мимо его дома, пригибаясь, чтобы его не увидели с окон соседей. Следом неслась жена Наста-

сья, волокущая за собой большие сани, весила она не меньше мужа и пять километров по сугробам для этой парочки были тяжелым испытанием. Вася успел уже и пообедать, и скотину накормить, и даже баню затопить, когда вернулись соседи – мокрые от пота и злые как собаки.

Иваныч матерился на всю улицу, Настасья проклинала «этого пустомелю» последними словами. Куча навоза, кем-то вываленная на берегу, до последнего шага казалась им заветным тулупом и в вечернем сумраке манила и звала. Они боялись, что вот поедет кто-нибудь раньше них или вернется опомнившийся хозяин и уйдет новенький тулуп в чужие руки. Они бежали, утопая в сугробах и задыхаясь, чтобы успеть первыми добраться, до потерянного кем-то сокровища.

Татьяна, узнав причину проклятий, долго смеялась, а потом всё-таки дала затрещину непутевому своему. Только ее дипломатические способности примирили их с соседями, что в их жизни происходило часто, Вася уж очень любил подшучивать над недалёким соседом. Но коварная болезнь забрала жену оставив его вдовцом, а дочь сиротой. Хоть и считался в деревне не из худших женихов и нашлись бы невестушки его возраста, он не захотел больше жениться.

Свою Татьяну он не смог забыть и даже не представлял, что в их совместной постели будет другая женщина. Так и жил в одиночку, растил красавицу дочь, которая с каждым годом всё больше становилась похожей на мать. Рослая и красивая с пшеничной косой, характером она тоже пошла

в нее, ее побаивался даже местный воротила Семен и не просто боялся, а еще и уважал.

А дядю Васю любили в деревне за незлобивый характер и всё ему прощали. Односельчане, пришедшие в магазин за поллитрой, делились купленным горячительным даже без его намека. Для него не пожалели бы и бутылки, но он был человеком совестливым, и его мерка была известна всем. Когда начинали разливать по стаканам, он выставлял вперёд указательный палец с отрубленными случайно, при стройке дома, двумя фалангами. Чёрный обрубок и был его меркой, он это называл 17 грамм! Примерно на высоту оставшейся фаланги наливалась жидкость в посуду, неважно в какую.

Сколько дочь не воевала с этой его привычкой, стыдила, просила, все бесполезно – он не нуждался в этих 17 граммах, просто это был его личный мужской клуб. Сюда люди приходили поговорить с ним, посмеяться его шуткам и получить заряд бодрости. А он получал подтверждение своей нужности в этом небольшом мирке, называемом деревней Луговое, который варился в собственном соку вдали от городской суеты.

И вот с таким человеком свела жизнь Казимира с утра пораньше. И снова бутылка и бычки в томате, хорошо хоть хлеб купили, и задушевной беседой продолжилось воспитание, жизнь в деревне была определённо хороша! Макая мякиш белого душистого хлеба в томатный соус, что остался от бычков Казимир подумал – вот он рай земной для ху-

дожника, непонятого высокомерным городом. Вот здесь он будет творить шедевры под пение соловья и кваканье лягушек, есть простую пищу, носить ветровку и галоши в дождь. Здесь никто не упрекал его и не называл дармоедом, как отец. К нему отнеслись как к взрослому умному человеку, и это растопило сердце Казимира.

А с чего он должен упрекать, сидит у него дома, пьет на его деньги и еще возмущаться будет? Дядя Вася конечно не семи пядей во лбу, но он не дурак, чтобы перекрыть дармовый источник живительной влаги. Отгрести Казимир начнет, когда у него деньги кончатся. Вот тогда он услышит кто есть кто, причем в выражениях дядька не будет стесняться. Его не гувернёры воспитывали, он в институтах не учился, вилкой пользуется только в гостях и то не каждый раз. Всё его воспитание свелось к тому, что в семь лет он получил лопатой по пятой точке, когда отказался помогать пожилому отцу пилить дрова. Вернее, висеть противовесом на ручной пиле, которой заготавливали топливо для прожорливой печки, обогревающей дом и служащей лежанкой.

Он родился у немолодых уже родителей, в результате жесткого ограничения на аборты после войны. Так государство повышало численность населения, сильно убавившегося в это страшное и кровавое месиво. Старшие братья, рожденные еще в тридцатых, до войны, всеми правдами и неправдами сбежали в город и, для стареющего отца, он остался единственным помощником. Контуженный и полу-

чивший на вечное хранение возле сердца осколок на войне отец всё понимал правильно. Жизненный путь поскребыша не будет усыпан розами, и работать он его приучил с малых ногтей. Васёк был мужичонкою понятливым, и лопата второй раз не понадобилась. А отец получил безотказного помощника на все последующие годы и того, кто проводил его и жену в последний путь.

Глава 6

На крыльце послышался топот чьих-то тяжелых сапог, двери сеней хлопнули так, что посыпалась пыль с потолка на головы наших героев, наслаждающихся деревенской тишиной и покоем. Казимир удивленно оглянулся на дверь, а вдруг побледневший Василий подскочил и заметался по избе, словно пытаясь спастись от неминуемой гибели.

Дверь в избу не открылась, она вылетела с петель, как от урагана, и чуть не сбила Казимира с табуретки, сидевшего с открытым от удивления ртом. А Васю сбило похоже ударной волной, он упал на пол и как раненая птица, забился под стол и даже прикрыл рукой голову.

– Ах, вот ты где? Папка, ну-ка, вылазь!

А по макушке Казимира крепкая рука хлётко дала леща, чуть не уронив его:

– Так вот кто его пригрел, алкаш грёбаный!

Сильные руки выудили Васю из-под стола, крепкий парень в бейсболке одной рукой держал на весу Васю и тряс как мешок. Другой рукой он методично прибивал его молодого собутыльника чёткими ударами по голове к столу, в голове Казимира звенело, как в церковной колокольне. Но сопротивляться парень не решился, он же не знал на что способен этот буйный молодой человек. И он лишь молча прикрывался, чтобы получить как можно меньший урон от крепких,

хорошо поставленных ударов.

– Даня, Данька, не бей его, ты что не узнаешь, это же Казимир, – взмолился Василий и шлёпнулся на пол, вывалившись из расслабившихся от удивления рук Дани. Пользуясь случаем, гуру и учитель молодого художника шустро пополз к выходу на четвереньках. Дойдя до дверей, он сделал героический рывок и от захлопнувшейся двери до молодых людей донесся лишь хлопок.

– Ой, это ты что ли Мирка? Каким же ты красавчиком стал!

– Даня? Ты? – изумился художник, с трудом приходя в себя от удивления и не слабых ударов девичьей руки.

Голубые глаза в обрамлении густых длинных ресниц, розовые щечки, высокая грудь...

Даня, Даниэла, первая любовь, первые неумелые поцелуи, неужели это она? Высокая, крепкая, обветренное и обгоревшее на солнце лицо, сильные руки и это всё та маленькая девочка с золотыми волосами? Они дружили с малых лет, маленькими детьми вдвоем купались голышом в тазу на бабушкином крылечке. Потом играли в прятки на сеновале и воровали вместе яблоки в саду у соседей. Став старше, бегали в клуб на танцы и держались за руки тайком в кино. После танцев они гуляли вдвоем у озера звездными ночами и впервые поцеловались на скамейке за садом. Кто знает, чем бы всё кончилось, но приехали родители Казимира и забрали сыночка в город. На носу был последний учебный год, а,

окончив школу, он окунулся в веселую студенческую жизнь, позабыв о милой подруге из деревни.

Ах, первая любовь, как же глубоко ты в сердце сидишь! Самые первые чувства, первое волнение, первое свидание и первые расставания. Слезы, переживания, вечный поиск в толпе знакомого силуэта, любимых глаз. Сколько бы лет не прошло, сколько бы мы не влюблялись, первая любовь остается в памяти лучшим воспоминанием, зовёт и манит всю жизнь.

Глава 7

Они сидели на памятной скамеечке за садом и взахлеб рассказывали друг-другу о том, как жили все эти годы. Кто учился в институте, а кто работал в колхозе комбайнером – а не всё ли равно, когда встретились люди, у которых было так много совместных воспоминаний! Радость переполняла обоих, Даниэла – так ее назвала мама, начитавшаяся любовных романов – была девушкой чувствительной и хорошо помнила их свидания и поцелуи. Даже если ты передовой комбайнёр и легко орудуешь гаечным ключом и домкратом, встретить первую любовь нелёгкое испытание. Тем более если он холостой и хорош собой, можно даже помечтать, что приехал он в деревню ради тебя. А почему бы и нет, приехал же...

А Казимир радовался, что есть человек, который сможет помочь ему чем-то в новом месте проживания, особенно в денежном выражении. Хотя он и очень любил искусство, кушать хотел как простые смертные, а созерцанием «Черного квадрата» сыт не будешь. Его шедевры не нужны были никому и в городе, а уж в деревне не было никаких шансов выручить за них деньги. А без денег и здесь не прожить – хоть и глухомань, но люди продукты покупают в магазине.

– А ты надолго приехал? Я слышала, бабушка тебе дом завещала, продать решил?

– Нет, поживу немного, хочу пейзажи писать с натуры, –
слукавил Казимир.

– А пойдём гулять вечером на луг? Ты же давно там не был! – Даниэла решила действовать, пока кто-нибудь из ушлых деревенских девчонок не перехватил кавалера. В том, что желающие быстро найдутся, она ничуть не сомневалась. Это может в городе он считается замухрышкой, зато в деревне будет завидным женихом.

– Конечно, пойдём, хочу посмотреть на ночное озеро, может потом напишу картину.

Ему так хотелось показать, что он не какой-нибудь там слесарь или токарь, а крутой городской художник. Правда Даниэле от этого было не холодно и не жарко – он был мужчиной, к которому она было равнодушна и этим всё сказано. Это у мужчин амбиции и попытка доказать, что они лучшие самцы во всей округе, женщинам это в принципе, не так уж и важно. Для нее главное, чтобы он был любим ею, тогда она не увидит никаких изъянов.

Полная луна сияла, освещая окрестности, луг был сказочно таинственным, какие-то ночные птицы тихо скользили над серебристой гладью озера. Тихо шуршали от легкого ветерка прибрежные камыши, словно переговаривались между собой неведомые жители этих дивных мест.

– Смотри, люди пришли! – шептал один.

– Прячься, не показывайся, вдруг нас увидят! – испуганно пригнулся к воде другой.

– Эти нас не тронут, это же влюбленные, они никого не видят. Сейчас будут целоваться, – хихикал первый.

Тихий смех волной прошелся по верхушкам камышей, пробежал по водной глади, прихватил пригоршню тумана и рассыпал его по прибрежной траве. Хитрые глазки выглядывали из-за деревьев, чьи-то тени бесшумно перебежали от куста к кусту. А почти невидимые, тонкие, прозрачные пальцы плели из ветвей плакучих ив причудливые косы.

Даня пришла в голубом платье, кокетливо рассыпав пшеничные волосы по округлым плечам. Душа ее томилась в ожидании неизведанных чувств, молодое, красивое тело жаждало ласк и любви. Казимир, так неожиданно снова появившийся в ее жизни, был обречен полюбить ее, другого развития событий разум просто не воспринимал. Они шли по тропинке среди высокой травы и молчали – Казимир просто не знал о чём говорить. Даня же разволновалась, как 15-летняя девочка на первом свидании, она не знала, что их ожидает в эту ночь.

Неловкое молчание затянулось, когда из густой травы выскочил испугнутый молодой парой заяц и бросился наутек по тропинке, подкидывая зад. Ребята от неожиданности вскрикнули, а потом со смехом погнались за косым. Даня, приученная с детства ходить по траве, помчалась не хуже зайца высоко поднимая ноги. Казимир же – истинное дитя асфальта, через несколько шагов он упал, запутавшись в густой мураве. Пока барахтался, пытаясь подняться, девушка,

не заметив пропажу кавалера, исчезла из вида и вокруг настала тишина. Кричать он постеснялся и наугад пошёл вслед за ней по тропинке и неожиданно вышел к озерным камышам.

Они стояли темной стеной, за ними, играя бликами от лунного света, протянулась гладь воды ровной полосой, и ничто не тревожило ее поверхность. Вдруг послышался шорох, раздвигая камыши тонкими руками, на тропинку вышла незнакомая девушка, она шла прямо на художника. А он стоял как вкопанный, смотрел на нее, открыв рот, красивее в жизни он никого не видел. Девушка не касалась травы ногами, во всяком случае ему так показалось, длинные, тёмные волосы блестели и с них струилась вода.

Казимир не сразу понял, что она была в платье, настолько оно облегалo ее прекрасное тело и блестела как чешуя. Увидев его, она не вздрогнула, не испугалась, а засмеялась серебристым журчащим смехом. Ему показалось, что от ее смеха воздух зазвенел и наполнился каким-то дурманящим мятым ароматом. Стало трудно дышать, ноги словно приросли к земле, а она подошла вплотную, ее мокрое платье блестело под лунным сиянием и искрилось. У него было смутное ощущение, что он ее где-то уже видел, но мозг туманило, и он с трудом понимал что происходит.

– Сваровски, – вдруг пришло в голову парню, он знал, что девушки все блестящие камушки называют Сваровски, только понятия не имел почему. Как глупо думать о каких-то

непонятных камнях, когда рядом с тобой такая красивая девушка, но так уж устроен человеческий мозг, он не спрашивает хозяина, о чем ему думать. Словно живет своей отдельной жизнью от тебя и выдает иногда такие странные слова и поступки, чего в здравом уме человек бы не сделал.

– Казимир, – где-то совсем рядом послышался голос Дани. Было слышно, как она идет, растаптывая траву, от шума ночные птицы испуганно метались, взлетали и исчезали в темных кронах деревьев. Незнакомка улыбаясь, прижала палец к губам, грациозно повернулась в сторону озера и бесшумно исчезла в камышах.

– Ты чего стоишь? Я тебя ищу, кричу, почему не отзывался?

– Не слышал...

– А смех слышал, такой странный, звенящий?

– Нет, – почему-то соврал Казимир.

– На тебе лица нет, пойдем домой, здесь холодно и сыро.

Они шли обратно молча, Казимир то и дело оглядывался назад, пока не видела Даниэла. Ему хотелось увидеть хоть что-то в этом странно-серебристом, густом воздухе, застывшим, как стекло над озером. Но оно хранило свои тайны и даже если тебе повезло однажды прикоснуться хоть чуть-чуть к этому чуду, то не думай, что тебе откроются остальные тайны. Многие, однажды случайно приобщившиеся к неизведанному, всю свою жизнь посвятили поискам тех ощущений, от которых замирало сердце и захватывал дух. Они уже

не могли жить по-прежнему, тосковали, страдали, но, отдав жизнь поискам, так и уходили, не находя его.

Она уложила его, укрыв тёплым одеялом, постояла немного в ожидании чего-то, но он заснул мгновенно крепким, молодым сном. Девушка, вздохнув, вышла из дома, присев на ступеньки на деревянном крыльчке, она задумчиво улыбнулась. От дома шло тепло и ей казалось, что теперь всё будет как в сказке. Принц спал в этом доме, будет утро и он проснется, придет к ней, возьмет за руку и поведет к счастью. Они проживут долгую, счастливую жизнь, родят здоровых детей, построят новый дом – а что еще нужно человеку для счастья?

Над озером поднимался, рвался и рассыпался на части белесый пар, девушка вдруг ощутила, как кто-то прохладной рукой дотронулся до нее. Вздвогнув, она обернулась, странное белое облако, оторвавшись от большого озёрного тумана, сочилось мимо нее к окну дома, где спал художник. Кружа вокруг дома, обжигая холодом, касалось ног Даниэлы, словно отгоняло ее от своих владений.

Платье быстро пропиталось влагой, и плечи озябли. Мурашки пробежали по спине то ли от холода, то ли от страха, и девушка, повернувшись, побежала домой. Она забежала в свой двор, хлопнув калиткой, что когда-то отец поставил между усадьбами. Бабушка приходила к ним, чтобы помыться в бане, а когда родители были на работе, присматривала за маленькой тогда еще Даней. Забежав в дом, она,

не включая света, подошла к окну и прикрываясь занавеской посмотрела на крыльцо дома Казимира. Там было тихо и темно, луна уже ушла за облака, и деревня погрузилась в сон.

Глава 8

Дядя Вася взялся воспитывать нового соседа не только бутылкой самогона, но и решил приучить его к труду. Ну не кормить же его на свои деньги! А то Даня, дура влюблённая, уже с кастрюльками к нему бегать стала! На что отец ей сказал: «Цыц!» Слушается она отца, уважает, хоть пьяного и отмутузить может, долго думать не станет. Но трезвый он имел уважение от дочери и послушание, так уж принято в деревенских семьях. Отец в семье главный, даже если взрослые дети могут приструнить его по хмельному случаю. Если перебравший отец начнет бужить, доказывая свой авторитет, то бывало, что скрутят, руки-ноги свяжут полотенцем и закатят под кровать. Ну, покричит маленько, погрозит, да и заснет там же. Проспится – опять он в почете, снова все к нему прислушиваются. Взрослые сыновья без его разрешения даже в кино не пойдут – так заведено издавна!

Дядя Вася был человеком работающим, да и когда лениться в деревне? Картошка на дереве, как банан, не растет, ее нужно посадить и вырастить, а это труда требует. Да и хлебушек только в кино в поле сам колосится, и колхозники с песнями идут с работы. Если в жаркий, летний день поработать часиков двенадцать в поле, где нет ни буфетов, ни аппаратов с газировкой – домой не идешь, а ползешь. Какие песни – я вас умоляю... во рту вязкая слюна, это в лучшем случае. А то

и шершавый язык, высохший от обезвоживания, как подошва башмака, и им даже говорить нереально. Хорошо, если по пути есть речка, дойдешь до нее и плюхнешься в нее – от горячих тел вода чуть не закипает. Полежишь в воде, подстынешь немного и до дома уже есть шанс дойти. А дома – огород, скотина, воду натаškai, убери, приготовь, а когда тут петь?

Художник, нехотя, но шёл с дядей Васей к местному фермеру. То на прополку, то на вывоз навоза в поле, ничего не поделаешь, жить на что-то нужно. Хорошо хоть есть работа, иначе на что жить молодому, здоровому организму? На свежем воздухе аппетит хороший, в один присест буханку можно умять, да литровой банкой парного молока запить. А молоко тоже не в речке течет с кисельными берегами, оно пусть не больших, но денег стоит. Соседские бабульки угостили в первый раз Казимира как гостя, да на этом халява закончилась, дальше нужно было еду зарабатывать.

То бабе Нюре дров наколи за молоко, то тётё Лиде грядки прополи за ведро картошки, так нежные руки художника огрубели понемногу и стали привыкать к труду. Готовить оказалось тоже не так сложно, всего-то было скормлено соседским пороссятам, кастрюля макарон. Они слиплись из-за того, что залил их холодной водой и поставил на огонь. И еще немного картошки и курицы подгоревшей – недосмотрел Казимир и заснул уставший после работы. Проснулся, когда картошка в сковороде и курица в кастрюле уже летали синим

дымом по избе. Хорошо не задохнулся, остальное не беда – дым выветрит из избы недолго. Поросята были довольны, претензий на качество пищи от них не поступало и от горелого изжога их не мучила. Они бы обрадовались и добавке, но у Казимира денег было не так много, он быстро научился готовить себе нехитрую еду.

Никогда Казимир не думал, что так тяжело зарабатываются деньги, он за свои тридцать лет тяжелее мольберта ничего не поднимал. Болели руки, спина, на солнце сперва обгорели и вздулись волдырями плечи, а потом полезла кусками кожа. Приходя с работы, еле успевал поесть чего-нибудь и тут же засыпал беспробудным сном. Он слышал иногда лёгкий стук в окно и журчащий смех, но скорее всего, это ему снилось. А, может, доярки местные подшучивали над городским гостем и стучали в оконное стекло по пути на утреннюю дойку. Всё может быть, но ему было пока не до них, куда там по девкам бегать, он до магазина с трудом добирался. Хорошо, что Дания помогала, покупала ему хлеб и приносила домой. И с бабушками местными установились тесные торговые связи – они ему оставляли молоко на крылечке, а он им деньги. Никто здесь чужого не брал, деньги он кидал в банку и ставил на крыльцо. Каждая банка дожидалась свою хозяйку, иногда даже и не один день.

К мольберту он не притрагивался с тех пор, как приехал, что не говори – но нужда и искусство вместе редко уживаются. Краски и кисточки пылились в углу даже не распако-

ванными. Вот говорят, что Ван Гог нуждался, тогда на какие шиши он доехал до Гаити? А ведь Гаити не ближний край, это у черта на куличках, даже в наше время туда так просто не добраться. Это только птицы перелётные на юг летают бесплатно, у нас крыльев нет, морские лайнеры и самолёт удовольствие недешёвое! И жил Ван Гог на что-то, краски и холсты покупал, хоть и не работал особо. Может Гаити и рай земной, но там тоже никого бесплатно кормить не будут, гаитянцы и сами поди не доедают.

Человек ко всему привыкает, Казимир стал привыкать к работе. Однажды, когда Даня позвала его погулять, он не отказался. Девушка решила, что он ее счастье и уже планировала свадьбу: белое платье с премии за уборку урожая, троих ребятишек и его завклубом или учителем рисования в школе. Лучше бы, конечно, трактористом или комбайнером, как она сама, но интеллигентный муж тоже неплохо. Может потом пойдет работать главой сельсовета, человек он образованный, с дипломом. Для достижения своей цели она не спускала с него глаз, даже ночью поглядывала в окно, благо, жили они по соседству и лишь низенький заборчик разделял их.

К озеру Казимир отказался идти, при одном воспоминании о той таинственной девушке его бросало в дрожь. У него перехватывало дыхание, он ощущал в воздухе тот пьяняще-мятный аромат. Побродив бесцельно по улице, он прикинулся усталым, заботливая Даня проводила его до ворот, хо-

тела даже уложить спать, но этого он уже не допустил. Пообещав лечь в постель немедленно, он вошел в дом под ее пристальным взглядом, включив свет, поставил на плиту чайник.

Увидев в окно, что, наконец, она ушла к себе домой, Казимир вышел обратно, сел на деревянное крылечко. Ночь была светлая и теплая, луг и озеро были видны как на ладони. Клочки тумана над озером причудливо клубились и переплетались. Ему показалось, что повеяло прохладой, как будто обрывки тумана дошли до крыльца, просочившись сквозь ограду сада. Рукава отсырели от влажного воздуха, Казимир повернулся, чтобы взять куртку. Он вздрогнул от неожиданности, увидев совсем рядом ту незнакомку с озера, она стояла у крыльца и улыбалась. Казимира словно ударило током, он узнал – эта она приходила к нему во сне и даже запах мятно-дурманящий был тот же. Закружилась голова и он снова ощутил, что перестает понимать происходящее, как при первой встрече на озере. Его сон становился явью, и он не знал радоваться этому или нет. Что ему принесет эта встреча – радость или огорчение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.